

0- 770539

На правах рукописи

Скрипникова Татьяна Ивановна

**Духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в
«крестьянской прозе» И.А. Бунина**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2008

Работа выполнена в Воронежском государственном университете

- Научный руководитель - кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Бердникова Ольга Анатольевна
- Официальные оппоненты - доктор филологических наук, доцент
Шпилевая Галина Александровна
- кандидат филологических наук, доцент
Стюфляева Наталья Валерьевна
- Ведущая организация - Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина

Защита состоится «28» мая 2008 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан 23 апреля 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000434450

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in dark ink, appearing to be 'Реру' followed by a horizontal line.

О.А. Бердникова

Общая характеристика работы

На фоне сложившийся в культуре России рубежа XIX-XX веков ситуации, свидетельствующей о том, что назревали глубинные сдвиги в умунастроениях, требующих воплощения в новых эстетических формах, И.А. Бунин был академичен и строг, независим и «царственно» свободен. Его имя и в начале XXI века при всех попытках переосмысления истории русской литературы XX века осознается как одно из самых значительных в русской классике XX века благодаря той черте его творчества, которую Ф. Степун называл «подлинностью». Вместе с тем И.А. Бунин до сих пор остается, по точному определению А. Т. Твардовского, не до конца «разгаданным». «... Мы по праву сосредотачиваем внимание и интерес на чудесном поэтическом даре Бунина, который как всякое подлинное явление этого рода, всегда остается не до конца разгаданным, не полностью истолкованным и оттого не менее пленительным». Наверное, этим обусловлен тот факт, что исследовательский вектор идет по пути активизации споров вокруг самых существенных проблем его творчества. При этом самой дискуссионной является проблема мировоззренческой позиции И.А. Бунина в религиозно-философском аспекте. Именно выявление религиозного статуса художника, на наш взгляд, осознается как одна из самых актуальных задач в современном литературоведении, особенно по отношению к писателю XX века.

Однако этот исследовательский подход содержит также и целый ряд спорных проблем, одна из которых состоит в том, как соотнести духовную проблематику, всегда содержащуюся в русской литературе, с основополагающими понятиями христианства. Поэтому мы считаем необходимым сразу оговорить тот факт, что духовность есть крайне сложное богословское и философское понятие, значение которого подверглось особенно сильной секуляризации в начале XX века. Для светского сознания характерно определение духовности исключительно через противопоставление материальным, вещественным ценностям, отсюда столь частое обвинение в бездуховности тех людей, кто эти ценности считает единственно значимым.

Вместе с тем секуляризованное сознание напрямую связало духовность и культуру, ибо первостепенную роль в формировании, развитии и удовлетворении духовных потребностей человека играет культура.

Для христианского сознания всякий человек духовен по самому факту его сотворения по Образу и Подобию Божьему, а духовность традиционно понимается как незримая связь человека с Богом, укрепляемая в вере и возможная благодаря тому, что человек имеет бессмертную душу. Христианство не отрицает значимость культуры для духовного развития человека, однако культура является при этом второстепенным фактором, да и во всем массиве культуры востребованной оказывается та ее часть, которая сохранила верность христианским духовно-нравственным ценностям.

Проблема «Христианство и русская литература» имеет уже достаточно богатый опыт изучения в современной науке. За последние 20 лет регулярно выходят сборники научных статей «Христианство и русская литература» (ИРЛИ), которые представлены пятью выпусками (1994, 1996, 1999, 2002, 2006). Достаточно известным в свете рассматриваемой проблемы стало периодическое издание «Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков» – сборники научных трудов Петрозаводского университета (1998, 2001).

Большой вклад в разработку проблемы внесли концептуальные труды И.А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе» (1995), «Пасхальность русской словесности» (2004), А.М. Любомудрова «Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев», шеститомный труд профессора Московской духовной академии М.М. Дунаева «Православие и русская литература» (1999), монография В.Ю. Троицкого «Духовность слова» (2001), работа В. Липахина «Икона в русской художественной литературе» (2002) и др.

Проблема осмысления творческого наследия И.А. Бунина в контексте Православия была впервые поставлена в трудах ученых русского зарубежья (Ф. Степуна, К. Зайцева, И.А. Ильина, Г. Адамовича, П. Бицилли) и вновь актуализирована уже в 1990-е годы в исследованиях современных

литературоведов (В.А. Котельникова, Г.Ю. Карпенко, М.М. Дунаева, Л.А. Колобаевой). Общий итог их изысканий сводится к мысли о том, что метафизические аспекты бунинского творчества либо находятся вне основных положений христианской догматики, либо остаются в лучшем случае в пределах сугубо ветхозаветного мироощущения. В научной литературе продолжают дискутироваться вопросы о пантеизме Бунина и его буддийских увлечениях, безусловно, имеющие под собой основания (О.В. Солоухина, Е.Б. Смольянинова, Т.Г. Марулло, Тянь Хунминь, Г.Б. Курляндская).

Таким образом, на сегодняшний день открытым остается вопрос о том, какова роль собственно православных, христианских идей в мировоззрении И.А. Бунина. По мысли О.А. Бердниковой, Бунин «столь глубинно и кровно был связан *прежде всего* с национальной исторической и духовной жизнью (...), что выявление особенностей его миропонимания не может состояться без учета этой грани духовного бытия нации».

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью обозначить духовно-религиозную проблематику в прозе И.А. Бунина о русском крестьянстве. Этот аспект еще не становился предметом отдельного исследования в контексте христианской духовной традиции. Наш подход позволяет существенно уточнить мировоззренческие основы творчества писателя, что является предметом современных дискуссий в буниноведении.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые «крестьянская проза» И.А. Бунина осознана в духовно-религиозном аспекте как целостное и динамически развивающееся художественное явление в творчестве писателя.

Объектом исследования является проза И.А. Бунина о русском крестьянстве 1890-1920 –х годов.

Предметом исследования является духовно-религиозная проблематика и ее художественное воплощение в «крестьянской прозе» И. А. Бунина.

Материал исследования: мы исследуем ранние рассказы писателя о крестьянстве, в которых доминирует народническая тематика; повесть «Деревня» и крестьянские рассказы 1910-1916 годов, раскрывающие своеобразие бунинских представлений о народе; дневниковые записи и рассказы 1917-1920-х годов, где писатель на ином художественном уровне воссоздает духовный облик русского народа.

Цель настоящей работы – исследовать динамику «крестьянской прозы» И. Бунина в духовно-религиозном аспекте.

Цель предполагает решение следующих задач:

- 1) исследовать связь ранней прозы И.А. Бунина о крестьянстве с народнической прозой 1870-1890-х годов;
- 2) выявить основы духовной укорененности русского крестьянства в прозе И.А. Бунина 1890-1900-х годов и духовно-нравственные, социальные причины ее утраты в произведениях 1910-х годов;
- 3) изучить тему «преображения» в ее содержательном и формальном проявлениях в рассказах 1910-1920-х годов;
- 4) обозначить художественные способы воплощения духовно-религиозной проблематики в «крестьянской прозе» И.А. Бунина.

Методология исследования определяют труды М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, К. Зайцева, И.А. Ильина, М. М. Дунаева, В.А. Котельникова, В.Ю. Троицкого, А.М. Любомудрова, И.А. Есаулова, В.Н. Захарова, Ю.Мальцева, О.В. Сливичкой, О.А. Бердниковой, Т.А. Никоновой, Г.Ю.Карпенко, О.В. Лазаревой, и др. В диссертации применяются историко-литературный с элементами биографического, мотивный, сравнительно-исторический, системно-типологический, герменевтико-интерпретационный методы анализа художественного текста.

Теоретическая значимость исследования. Результаты проведенного анализа могут быть полезны при дальнейшей разработке общих теоретических вопросов, связанных с исследованием проблемы «Христианство и русская литература» в аспектах отношения светской литературы к православной

догматике и Преданию, роли церковно-культурных традиций в русской словесности.

Практическая значимость исследования. Материал диссертационной работы может быть использован в учебно-педагогической практике: в вузовском преподавании при проведении занятий по курсу истории литературы XX века и спецкурсов по творчеству И.А. Бунина, а также в школьной практике при изучении творчества писателей-народников конца XIX века и писателей серебряного века.

Основные положения на защиту.

1. Тема крестьянства является «осью» всего творчества Бунина и дает основание для выделения «крестьянской прозы» как особого динамически развивающегося художественного явления в его наследии.

2. В ранней прозе о крестьянстве И.А. Бунин является прямым наследником писателей-народников, с которыми его связывает социальная проблематика. Но, в отличие от предшественников, И. Бунин крестьянскую тему переводит в философский и духовно-религиозный план.

3. В «крестьянской прозе» И. Бунина мы предлагаем выделить бытие «подлинное» и «неподлинное», разделяемое по принципу духовной укорененности и ее утраты. Крестьянство обнаруживает свою духовную укорененность в сакральных основах бытия, организованного вектором православного календаря. Личностное бытие героев И.А. Бунина обнажает свою подлинность «на исходе» трудовой или физической деятельности человека.

«Неподлинное» бытие получает свое художественное воплощение в характеристике жизни как тягостных скучных будней, раскрываемых с помощью системы мотивов: пыли, тоски, скуки, духоты, грязи, сумрачности. Праздник как способ преодоления будней получает извращенное проявление в формах лжеуродства, бродяжничества, бунта, неординарной попытке самовыражения, нередко приводящей к преступлению.

4. Народный характер в творчестве И.А. Бунина осознается как духовно-религиозная проблема. Духовно-укорененный герой-крестьянин (Кастрюк, Мелитон, Митрофан, Анисья, Аверкий) является «батраком у жизни», что понимается как выполнение установленного Богом жизненного предназначения. Герой, лишенный духовной укорененности, преступает нравственное установление и гибнет физически (Егор Минаев) или духовно (Аким, Ермил).

5. В прозе И.А. Бунина о русском крестьянстве 1920-х годов мы считаем необходимым выделить особую тему – тему «преображения» («Преображение»). Опираясь на христианское значение этого понятия, писатель дает свою собственную интерпретацию этого явления как духовного переворота в человеке. Вместе с тем «преображение» можно истолковать как формальный прием, позволивший писателю на основе мифологизации высветить духовный облик народа («Косцы», «Святитель», «Лапти»).

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации докладывались на научных сессиях, проходивших в Воронежском государственном университете в 2005-2007 годах; на Международной научной конференции «Проза И.А. Бунина 1920-1950-х годов в контексте русской и европейской литературы XX века: литературоведческие и лингвистические аспекты» (Воронеж, 2005); на VI бунинской творческой мастерской «Метафизика И.А. Бунина: к вопросу о пантеизме писателя (стихотворения и рассказы 1890-1910-х годов)» (Воронеж, 2007); на Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина (Елец, 2005); на XI Шешуковских чтениях (Москва, 2006); на Международной научной конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2007); на научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, проходившей в Воронежском государственном архитектурно-строительном университете (Воронеж, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка использованной литературы (319 наименований).

Основное содержание работы

Во Введении дан обзор научно-исследовательской литературы по проблеме «Христианство и русская литература» и научной литературы о творчестве И.А. Бунина; обозначен выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цели и задачи исследования; формируются основные положения, выносимые на защиту.

В Главе первой – «Традиционное и новое в изображении русского крестьянства в прозе 1880-1900-х гг.: предшественники и современники И.А. Бунина» – мы определяем художническую позицию автора в период его раннего творчества. В ранней прозе о крестьянстве И.А. Бунин является прямым наследником писателей-народников, с которыми его связывает социальная проблематика. В этой главе мы пытаемся по-новому осмыслить проблему «И. Бунин и писатели-народники», поставленную еще в 1960-е годы в советском литературоведении, но недостаточно освещенную. Народническая идеология была первой системой общественных взглядов, повлиявших на творчество И. Бунина и сыгравших немаловажную роль в формировании его убеждений в пору литературного дебюта. Из арсенала народничества Бунин прочно воспринял некоторые элементы – «искреннее сочувствие к трагической судьбе деревни и преобладающий интерес к мужику как главному литературному герою» (Ю. Мальцев).

Однако И.А. Бунин стал, по точному наблюдению П.Б. Струве, «первым русским дворянином, который окончательно перестал каяться», и «первым большим русским писателем, который совершенно органически и окончательно освободился от чар народничества».

Литературный дебют И.А. Бунина состоялся в 1895 году рассказом «На край света», в котором заявлена народническая тема – переселение крестьян. Этим, может быть, начинающий писатель и обеспечил себе успех: первая публикация обратила на себя внимание авторитетных писателей как новый взгляд молодого многообещающего автора на традиционную тему деревни. Начинающий писатель входит в литературу, когда все менялось, сам Бунин

отмечает «смесь» литературных эпох. При этом для нас важно, что в середине 90-х годов XIX века активными участниками литературного процесса были писатели-народники 70-80-х годов: Златовратский, Левитов, Эртель, Н.Успенский, Г. Успенский.

В последнее время появилось много новых материалов и архивных сведений, которые позволяют увидеть новые грани проблемы «И.А. Бунин и писатели-народники», в частности, книга «И.А. Бунин. Новые материалы», где представлен богатый архивный и биографический материал. В целом ряде писем и материалов данного издания неоднократно представлены сложные отношения Бунина с писателями-народниками, самыми известными из них: Эртелем, Левитовым, Златовратским, Г. Успенским и Н. Успенским.

В первой главе мы на основании новых материалов и свидетельств самого писателя рассматриваем и кратко освещаем проблемы «И.А. Бунин и Н.Н. Златовратский», «И.А. Бунин и А. Эртель», «И.А. Бунин и Н. Успенский», «И.А. Бунин и Г. Успенский», «И.А. Бунин и А. Левитов». При этом если некоторые проблемы были поставлены еще в советском литературоведении, то проблемы «И. Бунин и Н. Златовратский» и «И. Бунин и Н. Успенский» поставлены нами впервые.

Мы даем краткий анализ произведений этих писателей-народников с целью выявить тематику народнической прозы, а также пытаемся определить, в каком аспекте их произведения формировали мировоззренческую позицию и литературные пристрастия И. Бунина как начинающего писателя.

В результате проделанного нами исследования мы приходим к выводу о том, что опыт народнической прозы был особенно значим для формирования бунинской «крестьянской прозы», особенно ее раннего периода. Без учета творчества писателей-народников, думается, невозможно объективно и точно охарактеризовать произведения И. А. Бунина о русском крестьянстве и выявить новаторство писателя в изображении народа. В ранних рассказах о крестьянстве писатель наследует от предшественников жесткость и объективность оценок народной жизни и народного характера, точность в

изображении деталей крестьянских будней и праздников. Социально-злободневную тематику раннего творчества (тема голода, переселенчества, тип кулака) писатель воспринял от своих предшественников писателей-народников. Но, в отличие от предшественников, И. Бунин тематику и типологию народного характера переводит в философский и духовно-религиозный план.

Глава вторая «Проблема духовной укорененности в «крестьянской прозе» И.А. Бунина 1890-1900-е гг.» посвящена рассмотрению становления «крестьянской прозы» как особого, динамически развивающегося художественного явления в творчестве И. Бунина.

Под «крестьянской прозой» в творчестве И.А. Бунина мы понимаем корпус произведений, организованных единством духовно-религиозной проблематики и хронологически очерченных 1890-ми началом 1920-х годов, о русской деревне и русском народе, представленном как крестьянством, так и дворянством. На наш взгляд, именно в «крестьянской прозе» И. Бунин исследует исторически сложившиеся формы национальной народной жизни, различные типы национального и народного характера. Конечно, И.Бунин и в более позднем периоде своего творчества обращался к изображению крестьян и дворян («Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи»), однако, здесь нужно говорить скорее о теме крестьянства, о типологии национального характера, но не о «крестьянской прозе», как целостном и динамически развивающемся художественном явлении в творчестве И. Бунина.

Используя понятие «крестьянской цивилизации» (Мяло К.), мы подразумеваем под ним «цивилизацию», органично складывающуюся многие тысячелетия, со своим экономическим укладом, со своей моралью, эстетикой и искусством, со своей религией — православием, впитавшим гораздо более древние земледельческие культы. Традиционная культура «крестьянской цивилизации» базировалась на мировоззренческом ядре многовековых традиций, «возникших внутри ориентированной на всё мироздание системы представлений» (Мяло К.).

Разрушение «крестьянской цивилизации» началось еще во второй половине XIX века, и, собственно, первыми об этом заявили именно писатели-народники. На рубеже XIX – XX веков этот процесс уже явно обозначился, что и зафиксировал И.А. Бунин в своем раннем творчестве. Неслучайно в своих очерках «Странствия», описывающих реалии предреволюционной России начала XX века, он пишет, что «еще была Русь», но уже «на исходе». Для нас важно отметить, что для писателя особенно значимы воспоминания о «крестьянской цивилизации», «следы» которой он отмечает в таких ранних рассказах, как «Кастрюк», «Мелитон», «Сосны», «Антоновские яблоки» и др.

В «крестьянской прозе» И. Бунина мы предлагаем выделить бытие «подлинное» и «неподлинное», разграничиваемое по принципу духовной укорененности, так как крестьянское бытие в прозе писателя сущностно различается именно в духовно-религиозном аспекте. Особенность бунинского героя-крестьянина в ранних рассказах заключается в том, что он изначально бытийно укоренен в сакральных основах бытия, организованного вектором православного календаря как чередование будней и праздников. Как правило, личностное бытие героев И.А. Бунина обнажает свою подлинность «на исходе» трудовой деятельности или физической жизни человека.

Так герои ранних рассказов Бунина – «Кастрюк», «Мелитон», «Сосны», «Антоновские яблоки» – духовно укоренены в бытии через свою жизнь, которая «подлинна» по своему определению, поскольку от рождения до смерти, день за днём, в будни и праздники была «действом», осуществляемым по незыблемым правилам бытия, где все события и дела текли по руслу многовековых обычаев и традиций, «высоких нравственных понятий». Для нас особенно важно отметить, что в раннем творчестве И.А. Бунина возникает образ «былинной», сказочной России, который базируется на основе реальной памяти писателя о прошлом русской деревни («Сосны», «Антоновские яблоки»).

Знаками духовной укорененности, включающей у И. Бунина и природность крестьянина, становятся художественные детали: бирюзовый цвет

глаз (Кастрюк, Мелитон, Митрофан, Аверкий), подчеркнутая аккуратность в одежде (Захар Воробьев). Сквозной деталью всего творчества писателя является образ сосен (елей), символизирующих подлинность бытия бунических героев.

Следует отметить, что у Бунина понятие «крестьянской цивилизации» включает и мир дворянского сословия, поскольку, по утверждению писателя, «душа у тех и у других одинаково русская» (курсив мой. – Т.С.). В отличие от писателей-народников, в произведениях которых герой интеллигент шел «в народ», бунический автор-повествователь – дворянин живет среди народа и духовно близок ему. Поэтому И.А. Бунин не делает сословных разграничений на дворянство и крестьянство, ибо дворяне для него – тоже народ. В связи с этим мы рассматриваем ранние рассказы писателя о крестьянской жизни в контексте бытийных проблем (рассказы «Перевал», «На хуторе», «Святые горы»).

В этой же главе в прозе Бунина мы рассматриваем народническую тему переселенчества, где писатель, в отличие от народников, показывает, что оторванность крестьян от родных мест и родных людей не лишает их духовной укорененности. В рассказах «На край света» (1894), «На чужой стороне» (1893) возникает актуальная для ранней прозы Бунина оппозиция родное/чужое. В народном представлении «уйти на край света» – значит, уйти навсегда и, возможно, погибнуть, поэтому в социальном плане ушедшие из родных мест крестьяне одиноки и ненужны. Вместе с тем в духовном отношении православные праздники (Пасха, Рождество) еще сохраняют для них свою духовную значимость. Однако оторванность от родной земли лишает их соборности и полноты духовной радости, делает их бытие уже «неподлинным». Это приводит к появлению в творчестве И.А. Бунина «антисвяточных» рассказов – «На чужой стороне» (1893), «На край света» (1894), «Учитель» (1894) «В поле» (1895).

В рассказе «Белая лошадь» (1907 – <1929>) неподлинное бытие и подлинное бытие представлены как два этапа в жизни человека на примере жизни героя-землемера, так как подлинное бытие есть «результат

определенного процесса» - процесса жизни. Землемер по-своему пытается размышлять, задаваться главными вопросами, предаваться некой экзистенциальной рефлексии. Решение «сущностных вопросов» способствует духовному росту героя, что есть результат буинского художественного приема - пограничной ситуации. Такой пограничной ситуацией становится встреча с белой лошадью, после которой герой обнаруживает себя «сущностно». «Переход» к подлинному бытию для землемера не осуществим из-за отсутствия основополагающей потребности – духовной. Пограничная ситуация мистического наваждения обнажает причину этой неосуществленности: болезненное состояние героя как следствие кризиса его духовного - нравственного состояния. Герой рассказа – землемер соотносится с автором-повествователем ранней прозы по признаку саморефлексии и «восхождению» на метафизический уровень осмысления бытия.

Таким образом, рассказ «Белая лошадь» (1907 - < 1929 >), на наш взгляд, является своего рода переходным произведением, маркирующим условную границу между ранним и зрелым этапами «крестьянской прозы» И. Бунина.

Глава третья «Духовно-религиозная проблематика в «крестьянских рассказах» 1910-х – 1920-х годов» посвящена проблеме духовной укорененности в крестьянской прозе И.А. Бунина 1910-х – 1920-х годов. Большую роль в динамике «крестьянской прозы» И. Бунина этого периода сыграли трагические события начала XX века, эпохи “перелома”.

Первый параграф третьей главы «Проблема «подлинного» и «неподлинного» бытия в повести «Деревня» и «крестьянских рассказах» 1912-1916 гг.» включает анализ прозы И.А. Бунина 1910-х годов (повесть «Деревня» и «крестьянские рассказы»), в которой происходит утрата духовной укорененности, в результате чего и будни и праздники утрачивают духовный, собственно религиозный смысл. Произведения 1907-1916 года, написанные Буниным в период его творческой зрелости, относятся к сложному периоду в истории России, ознаменованному кровавыми революционными событиями 1905 года, трагическими событиями первой мировой войны. Революционные

события побудили Бунина к особо интенсивным размышлениям над характером русского народа и русской истории. Раздумья эти занимали его давно, но лишь через несколько лет после первой революции были созданы произведения, которые можно считать зрелым плодом этих размышлений – повесть “Деревня” и последовавшие за ней так называемые “крестьянские рассказы”. Эти произведения – прямое свидетельство того, как по-новому открылся для него русский народ, национальная стихия.

Лишившись духовной укорененности, герой «крестьянской прозы» И. Бунина 1910-х годов преступает нравственные установления: происходит попрание человеком глубинных жизненных основ бытия – главных святынь человечества: веры, отечества, земли, отчего дома, родителей. Утративший способность воспринять нетленно сущностные основы, он лишается главного – ощущения радости бытия, столь важного с точки зрения онтологического миропонимания Бунина. Отсюда ощущение жизни у героев как неподлинного бытия, а вместо “повышенного чувства жизни”, рождающего “повышенное чувство радости и полноты Бытия”, трагизм, ощущение катастрофичности и безысходности.

«Неподлинное» бытие получает свое художественное воплощение в характеристике жизни как тягостных скучных будней, раскрываемых с помощью системы мотивов: пыли, тоски, скуки, духоты, грязи, сумрачности. Таким образом, следует подчеркнуть, что будничная жизнь в восприятии бунических героев есть «неподлинное бытие».

В системе рассмотренных мотивов, формирующих понятие «будни», лексико-семантическим ядром является понятие «быт». Оно имеет смысл, прежде всего и возможно, единственно для русского сознания, для которого характерно восприятие быта как исключительно отрицательной коннотации. У И.А. Бунина возникает противопоставление бытия и быта, потому что само слово “бытие” в силу своего Библейского происхождения уже содержит четкую положительную доминанту.

В изображении русской жизни перечисленные мотивы, формирующие понятие «будни», оказываются доминантными, становясь уже не просто характеристиками быта, но обретают онтологический статус качества, окрашивающего собой жизнь. При таком отношении к жизни возникает «томление» по «празднику» и как следствие этого – желание русской души “выхода” из будней в иное измерение: “Ах, эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью..., – как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд!” (Бунин И.А.).

Таким образом, в прозе 1910-х годов И. Бунин фиксирует совершившиеся в крестьянском сознании сущностные изменения в восприятии будней и праздников. Эти изменения есть результат вытеснения из сознания крестьян собственно православной веры «народным православием», представляющим собой синкретичное соединение христианства и язычества. В «народном православии» благочестие понималось как сохранение внешней обрядовости, а не внутреннего религиозного чувства.

Сохраняя веру в охранительную силу оберегов («дохлый ястреб» («Князь во князьях»), «бараньи рога» на шесте» («Деревня»), веру в колдунов («А весной привозили к барышне колдуна..., истово искал он (глазами. – Т.С.) образа, ... потом крестился...») и тёмную силу (Аким «Деревня», Ермил из одноименного рассказа), герои Бунина одновременно относили себя к истинным христианам, даже не сознавая, сколь велико наследие, доставшееся им от прошлого. Они до такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческое начало, или язычество, поглотившее христианское вероучение, где молитва (именно молитва) могла быть адресована как Богу, так и тёмной силе, а «лептой» Богу служило жертвоприношение («Деревня»). «Они, батюшка, вздыхают, крестятся, лезут свечку восковую у образов зажигать, полотенце заветное с покойника

прадедушки вешать, - боялась я того полотенца до смерти! - али ножницы за окошко выкидывают»,.

И.А. Бунин, на наш взгляд, одним из первых осознал страшные духовно-нравственные последствия этой подмены, что проявилось в символически значимых образах. Знаковым становится для произведений этого периода мотив подмены иконы как главного религиозного символа православия “дощечкой”, что символизируют утрату ее подлинного смысла и трепетного отношения к иконе как к святыне.

Таким образом, народная вера в крестьянских рассказах Бунина в ее современном состоянии представляет собой тысячелетиями складывающуюся систему религиозного мировоззрения и нравственно-этических норм. Истинное православие, как и многие другие ценности, все более уходит в прошлое, все реже встречается на фоне общего вырождения и оскудения. Бунин все чаще показывает русского мужика невежественным и далёким от подлинной веры. И даже те мужики, кто выглядят наиболее набожными, на самом деле далеки от Бога. Именно поэтому отсутствие подлинной веры или подмена её приводит крестьянина к поиску “праздника” жизни, как способу выхода из будней, в другой плоскости, что неминуемо влечёт за собой извращение человеческого сознания в формах лжеюрродства, бродяжничества, бунта, неординарной попытке самовыражения, нередко приводящей к преступлению.

В последние годы интерес к герою-юрродивому в творчестве И.А. Бунина заметно возрос (диссертация О. Лазаревой «Проблема русского национального самосознания в прозе И.А. Бунина 1910-1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция», (Москва, 2006)), появились серьезные исследования феномена святости в русской духовности и культурной традиции (Г.Федотов, В. Топоров, И. Есаулов и др.). В лжеюрродстве и проявилась, по мнению писателя, особая, “артистическая” природа русского человека, его потребность праздника. В бунинских рассказах лжеюрродивые, играющие роль “пророков”, подвижны вовсе не пламенной верой, а побуждениями гораздо более

низменными и странными (Макарка-странник «Деревня», Шаша «Я все молчу», Дроня и Тимоша Кличинский «Суходол» и др.).

Особой, извращенной формой преодоления будней становится в рассказах И. Бунина 1910-х годов неординарная попытка самовыражения, нередко приводящая к преступлению (рассказы «Ермил», «Ночной разговор» и др.).

Таким образом, утрата духовной укоренённости в русском крестьянстве, показанная И. Буниным в произведениях 1910-годов осознаётся им как едва ли не главная причина распада традиционных форм русской государственности. Катастрофические обстоятельства российской исторической жизни начала XX века ещё более способствовали утрате, искажению или подмене в крестьянской жизни глубинных основ бытия, что неминуемо приводило к ощущению неподлинности и бессмысленности человеческого существования. Именно утрата духовной укоренённости привела к возобладанию в русском человеке «чуди» и «мери»

Однако в 1916 году во время кровавых трагических событий первой мировой войны в творчестве И. Бунина наряду с произведениями, показывающими «темные стороны», появляются замечательные рассказы «Весёлый двор» (1911), «Захар Воробьёв» (1912), «Иоанн Рыдалец» (1913), «Худая трава» (1913), «Святые» (1914) и «Аглая» (1916, в которых писатель пытается обозначить не то, что утрачивалось, а то, что сберегалось. Примечательно, что среди самых лучших произведений Бунин, как известно, весьма строгий и пристрастный не только к другим, но, прежде всего, и к себе, называл рассказы с религиозной тематикой «Иоанн Рыдалец» и «Аглая». Не случайно в рассказах Бунина фигурируют как канонические святые, так и вымышленные герои-святые. Например, в рассказе «Святые» - великомученица Аглаида, стремящаяся исправить и «загладить» грех любовной страсти» к своему рабу Ванифатию, – каноническая святая, а в рассказах «Аглая» и «Иоанн Рыдалец» герои- вымышленные святые – выходцы из крестьян. Эта параллель еще раз доказывает нашу мысль о том, что Бунин верил в

духовную укорененность русского крестьянина, в способность лучших его представителей к преображению.

Следует выделить группу рассказов, в которой возникает особый тип героя, духовная ускоренность которого связана с его праведной жизнью в условиях грубого крестьянского быта («Веселый двор», «Захар Воробьев», «Худая трава»). На наш взгляд, герои этих рассказов противопоставлены вышеуказанным по принципу их принадлежности к «подлинному бытию» - к праведной, с религиозной точки зрения, жизни.

Интересно отметить, что, появившаяся в рассказе «Белая лошадь» мифологическая символика: дорога, луна, речная плотина как водная граница, разделяющая «этот» и «тот» миры вновь актуализируется в рассказах этого периода («Захар Воробьев»). Так в творчестве И. Бунина одинаково задействована как собственно религиозная, так и фольклорно-мифологическая символика.

Народный характер в творчестве И.А. Бунина осознается как духовно-религиозная проблема. Духовно-укорененный герой крестьянин (Кастрюк, Мелитон, Митрофан, Анисья, Аверкий) является «батраком у жизни», что понимается как смиренное выполнение установленного Богом жизненного предназначения: «Видно живи как батрак: исполняй, что приказано – шабаш». И герои действительно «беспрекословно» «батраками» проживают свою жизнь – «тяжелую дорогу», разладить которую может лишь болезнь или смерть.

Герой, лишенный духовной укорененности, преступает нравственное установление и гибнет физически (Егор Минаев) или духовно (Аким, Ермил).

Таким образом, к 1917-му году в «крестьянской прозе» И.Бунина в целом сложилось единое и концептуальное представление о народном и национальном характере, что позволило писателю в «Окаянных днях» сформулировать вывод: «из нас, как из древа, - и дубина, и икона, - в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев».

Второй параграф третьей Главы «Тема «Преображения» в рассказах о крестьянстве 1920-х годов» посвящен анализу эмигрантской прозы И. Бунина 1920-х годов, в которой завершается эволюция «крестьянской прозы».

Переходом от дореволюционного творчества к эмигрантским произведениям о народе у И.А. Бунина становятся дневниковые записи - «Окаянные дни» (1918-1919). «Окаянные дни» - это особая форма художественности, известно, что дневниковая форма давно прельщала писателя. Поскольку сам И.Бунин придавал дневниковой форме большое значение, мы вслед за писателем склонны считать, что «Окаянные дни» - художественное произведение особого рода и поэтому рассматриваем его в ряду других художественных произведений И.А. Бунина этого времени.

Для нас важно отметить, что И. Бунин в «Окаянных днях» прежде всего показывает духовный лик России, поэтому неслучайно писатель постоянно в своих записях проводит аналогию с библейским текстом. В жесткой позиции И. Бунина по отношению к каиновской России 1917 года, когда произошло «расхристианивание православной России» (И. Есаулов), речь, прежде всего, идет не о неприятии или приятии большевистского режима, а о приятии или неприятии «новой веры», отрицающей Бога, поскольку И. Бунин свято и преданно верит в незыблемость христианских основ, когда превыше всего православный Бог, истинная вера и душа человека. Спасение России И.А. Бунин видит в «возврате человека к Божьему образу и подобию», в возврате к подлинной вере, в его воцерковлении, в поиске духовного пути к Богу.

В дневниковых записях «Окаянные дни» крестьянская тема осознается сквозь призму библейских аналогий и поэтому «дубина» и «икона» осмысливается как «русский Каин» и «русский Авель». Тема крестьянства как народного целого выходит на духовно-религиозный уровень, что художественно реализуется в «крестьянской прозе» 1920-х годов XX века.

В рассказе «Преображение» (1921) заявлена ключевая идея эмигрантской прозы писателя о крестьянстве: из произведений И. Бунина полностью уходит социальная насыщенность, а духовно-религиозная проблематика ранней прозы

заявляет себя на новом художественном уровне. Крестьянство преображается в образ русского народа, который представлен в иной «мифической реальности». В послереволюционных произведениях Бунина образ России представлен в двух ипостасях: Россия – миф, сказочная страна, первозданная, «первобытная» (как символ чистоты и святости) – «высшая точка художественно-духовного восхождения» писателя и Россия подлинная, так трагически несовпадающая с первой, полная её противоположность.

При этом И. Бунин создает как собственно духовно-религиозный облик народа («Преображение»), так и миф о русском народе («Косцы»). Вместе с тем, «преображение» можно истолковать как формальный прием, позволивший писателю на основе мифологизации высветить духовный облик России («Косцы», «Святитель», «Ляпты»).

Важно отметить, что в рассказах И.А. Бунина эмигрантского периода тема крестьянства получает принципиально иные формы художественного осмысления – форму мифа. Как и в раннем творчестве писателя, возникает образ былинной России, но по-иному: если ранее в «былинной» Руси реальность пространства и времени была физически осязаемы, то в порубежном времени «теперь», во власти «окаянных дней» прежняя Россия оказалась потерянной навсегда, «миновавшей как сказка», поэтому автор на основе мифологизации создает «умопостигаемый» образ сказочной России. Из этого следует, что этот образ совмещает в себе две реальности – эмпирическую и внеэмпирическую, или, если выражаться в иной терминологии, – реальность чувственную (физическую) и сверхчувственную (матифизическую), и даже не просто совмещает, но представляет собой их взаимопроникновение, сплав, в котором обе реальности становятся трудноразличимыми и образуют одну «мифическую реальность» (Косарев).

В прозе И.А. Бунина о русском крестьянстве 1920-х годов мы считаем необходимым выделить особую тему, которая представлена в рассказе «Преображение» (1921). Опираясь на христианское значение этого понятия, писатель дает свою собственную интерпретацию этого феномена, как

духовного переворота в человеке. Для И. А. Бунина этот христианский праздник и само понятие «преображение» имели, как видно из его дневниковых записей, очень большое даже можно сказать символическое значение, оно жило в его сознании, поэтому писатель не раз обращается к этому событию христианской истории, о чем свидетельствует ряд дневниковых записей Веры Николаевны и самого Бунина.

В этом смысле концептуальным является рассказ «Преображение», где мать главного героя, умирая, преобразается в смерти, а ее сын Гаврило, духовно пережив ее смерть, – в жизни: он, по сути, становится апостолом – благим вестником для «достойного человека».

Известно бунинское пристрастное отношение к слову, к тексту, нередко герои Бунина не имеют имени. В рассказе главный герой имеет имя Гаврило, и выбор его И. А. Буниным неслучаен, здесь, на наш взгляд, возникает переключка с евангельским текстом: имя главного героя соотносимо с именем архангела Гавриила, основное Божье назначение которого «вразумлять» и «научать». «В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе (...): итак вникни в слово, и уразумей видение» (Библия). Имя «Гавриил» в переводе с древнееврейского означает – «сила Божья» или «человек Божий».

Конечно, мы вполне осознаем, что феномен «преображения» в бунинском рассказе очеловечен, так как речь идет об обычном земном человеке, простом крестьянине. «Преображение» – это также своего рода сказка, в которой реальность эмпирическая преобразуется в сакральную, духовную реальность. На наш взгляд, феномен преобразования для И. Бунина есть акт мистического духовного таинства, свершившегося с человеком, который нельзя объяснить привычными понятиями психологизма.

Вместе с тем, «преображение» можно истолковать как формальный прием, позволивший писателю на основе мифологизации высветить преображенный, духовный облик народа («Косцы», «Преображение», «Святитель», «Лапти»). Принципиально важным для нас является то, что И. А.

Бунин в поздних рассказах, написанных в эмиграции, вновь возвращается к идее единства народа, поэтому в рассказе «Косцы» «я» – автор-повествователь – дворянин и «они» – крестьяне-косцы – представляют единое целое русского народа.

В **Заключении** подводятся итоги работы. Мы попытались охватить в целом всю «крестьянскую прозу» И. А. Бунина в ее динамике и становлении духовно-религиозной проблематики: от раннего творчества, где Русь «на исходе», но еще сохраняет памятные для писателя «следы» «крестьянской цивилизации» – к России 1910-х годов, почти утратившей духовно-религиозные основы своего национально-исторического бытия – и, наконец, к духовно преображенному образу Руси и русского народа в рассказах эмигрантского периода.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Скрипникова Т.И. Смысловые константы пейзажной лирики И.А. Бунина / Т.И. Скрипникова // И.А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи: межвузовский сборник научных трудов, посвященных творчеству писателя. – Воронеж: Издательский дом «Квадрат», 2005. – С. 62-68.
2. Скрипникова Т.И. Образы святых в творчестве И.А. Бунина / Т.И. Скрипникова // Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX-XXI веков: Материалы Международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 110-116.
3. Скрипникова Т.И. Философская проблематика раннего творчества И.А. Бунина (рассказ «Белая лошадь») / Т.И. Скрипникова // Историософия в русской литературе XX-XXI веков: традиции и новый взгляд: Материалы XI Шешуковских чтений. – Под. ред. докт. филол. н., проф. Трубиной Л.А. – Москва, 2007. – С. 194-202.
4. Скрипникова Т.И. Проблема духовной укорененности человека в произведениях И.А. Бунина 1910-х годов / Т.И. Скрипникова // Духовно-

нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей. В. 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. Ю.В. Лебедев; отв. Ред. А.К. Козлов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – С. 309-317.

5. Скрипникова Т.И. Семантическое поле «будни» в произведениях И.А. Бунина 1900-х годов / Т.И. Скрипникова // Русский язык в современном мире: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / Отв. Ред. Л.В. Ковалева; Воронеж гос. арх. – строит. Ун-т. – Воронеж, 2007. – Ч. 2. – С. 129-33.

6. Скрипникова Т.И. Русская потребность праздника в «крестьянских рассказах» И.А. Бунина 1910-х годов / Т.И. Скрипникова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007, № 1. – С. 96-103.

7. Скрипникова Т.И. Мотив «Преображения» в одноименном рассказе И.А. Бунина / Т.И. Скрипникова // Метафизика И.А. Бунина: Межвузовский сборник науч. ст. – Воронеж, 2008. – С. 101-111

Работа № 6 опубликована в издании, соответствующем рекомендованному высшей аттестационной комиссией РФ «Перечню рецензируемых научных журналов и изданий».